

ARTICLE INFO

Received: 05th June 2025

Accepted: 10th June 2025

Online: 11st June 2025

KEYWORDS

Artificial intelligence, intellectual property, succession, reorganization, digital assets, copyright, legal entity.

**TRANSFER OF RIGHTS TO INTELLECTUAL PROPERTY
CREATED WITH THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE
DURING THE REORGANIZATION OF LEGAL ENTITIES**

Ismailova Maxliyo Amirovna

Master's student at the Faculty of Commercial Law,

Tashkent State University of Law

E-mail: Suyunova.mahliyo97@gmail.com

<https://doi.org/10.5281/zenodo.15637029>

ABSTRACT

The article examines the specific features of transferring proprietary rights to intellectual property objects created with the use of artificial intelligence in the context of corporate reorganization. It explores contemporary approaches to the legal status of AI-generated results and highlights risks associated with uncertain authorship, lack of registration mechanisms, and documentation challenges. A comparative analysis of international and national practices is conducted, and the need for institutional and regulatory reforms in Uzbekistan is substantiated to ensure effective succession of digital assets.

**ПЕРЕХОД ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ,
СОЗДАННЫЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА, ПРИ
РЕОРГАНИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ**

Исмайлова Махлиё Амировна

Магистрантка факультета коммерческого права

Ташкентского государственного юридического университета

E-mail: Suyunova.mahliyo97@gmail.com

<https://doi.org/10.5281/zenodo.15637029>

ABSTRACT

ARTICLE INFO

Received: 05th June 2025

Accepted: 10th June 2025

Online: 11st June 2025

KEYWORDS

Искусственный интеллект, интеллектуальная собственность, правопреемство, реорганизация, цифровые активы, авторское право, юридическое лицо.

В статье анализируются особенности перехода имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности, созданные с применением искусственного интеллекта, в условиях реорганизации юридических лиц. Рассматриваются современные подходы к правовому статусу ИИ-генерируемых результатов, выявляются риски, связанные с неопределенностью авторства, отсутствием регистрационных механизмов и сложностями документального оформления. Проведен сравнительный анализ зарубежной и национальной практики, обоснована необходимость внедрения институциональных и нормативных реформ в Узбекистане с целью обеспечения эффективного правопреемства цифровых активов.

I. Введение

В последние годы искусственный интеллект (ИИ) перестал быть исключительно предметом футуристических сценариев — сегодня он выступает активным участником как научной, так и хозяйственной деятельности. Машинное обучение, генеративные нейросети и алгоритмические системы всё чаще становятся источниками создания объектов, которые по своим признакам подпадают под охрану авторским, патентным или иным правом в сфере интеллектуальной собственности.

Особый интерес вызывает правовая судьба таких объектов в случае, если они принадлежат юридическому лицу, проходящему через процесс реорганизации. Современная корпоративная практика, особенно в высокотехнологичном секторе, нередко сталкивается с необходимостью правопреемства на результаты деятельности ИИ — будь то программный код, обучающая выборка, архитектура нейросети или даже созданный искусственным интеллектом художественный контент. Эти активы обладают высокой коммерческой ценностью, однако правовой режим их передачи остаётся недостаточно урегулированным, особенно в национальных правопорядках, включая Республику Узбекистан.

Проблема усугубляется тем, что правовая природа ИИ-продуктов зачастую не укладывается в традиционные конструкции. К примеру, отсутствует общепринятый подход к определению автора в случае, когда объект создан без участия человека. Следовательно, встает вопрос: могут ли имущественные права на такие результаты считаться объектом правопреемства при слиянии, присоединении или выделении компаний?

На международном уровне отсутствует унифицированная позиция. Судебная практика США и Великобритании отказывает в охране объектов, созданных исключительно алгоритмом. В то же время Европейский союз разрабатывает подходы к признанию ИИ-генерируемых результатов как специфической категории объектов, в отношении которых возможна передача имущественных прав, но при соблюдении определённых условий участия человека в процессе.

На этом фоне актуализируется задача переосмыслинания традиционных механизмов правопреемства — таких как автоматический переход имущественных прав при реорганизации — в контексте цифровых активов, природа которых заведомо иная. Национальное законодательство Республики Узбекистан пока что не содержит норм, прямо регулирующих правопреемство в отношении ИИ-созданных объектов. При этом в условиях роста числа технологических стартапов, цифровых платформ и компаний, работающих с ИИ, такие нормы становятся критически необходимыми.

Настоящая статья посвящена выявлению правовых пробелов, связанных с передачей имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности, созданные с использованием искусственного интеллекта, при реорганизации юридического лица. Автор предлагает проанализировать существующие подходы, выделить ключевые риски и очертить перспективы совершенствования законодательства с учётом международной практики и особенностей национального регулирования.

II. Правовая природа объектов интеллектуальной собственности, созданных с применением ИИ

Развитие технологий искусственного интеллекта обострило давний правовой вопрос: кого считать субъектом интеллектуального права, если произведение, изобретение или иной результат создан без прямого участия человека? В классической модели авторского права и патентного регулирования предполагается наличие физического лица, осуществлявшего творческую деятельность. Однако генеративные нейросети, автономные системы анализа данных и креативные алгоритмы все чаще создают контент или технические решения, которые ранее могли быть получены только в результате деятельности человека. Это обстоятельство ставит под сомнение применимость традиционных правовых подходов.

На сегодняшний день в национальных правопорядках отсутствует единая классификация результатов, создаваемых ИИ. В юридической литературе и экспертных сообществах обсуждаются несколько моделей:

- ИИ как инструмент — если система используется человеком для достижения результата, то автором считается физическое лицо (например, дизайнер, использующий Midjourney).
- ИИ как соавтор — спорная конструкция, в которой участие человека минимально, но всё же влияет на результат.
- ИИ как самостоятельный «создатель» — позиция, отвергаемая большинством юрисдикций, но поднимающая фундаментальный вопрос о допустимости субъектности ИИ в праве.

Существенным осложнением является невозможность универсального подхода для всех видов ИС. Так, программное обеспечение может охраняться как авторским правом, так и патентом или коммерческой тайной. Обучающая выборка может быть объектом *sui generis* защиты (по аналогии с базами данных в ЕС), но при этом содержать элементы, не подлежащие охране. Архитектура нейросети, как интеллектуальный актив, может рассматриваться как объект патентной заявки — при условии, что соблюден критерий изобретательского уровня.

В документах ВОИС (WIPO), включая отчеты 2020–2023 годов, признается необходимость выработки гибкого подхода к правовому признанию результатов ИИ-деятельности. Особое внимание уделяется разграничению творческой инициативы человека и вычислительных возможностей алгоритма. ЕС, в свою очередь, в рамках подготовки AI Liability Directive и AI Act разрабатывает механизмы признания ответственности и владения результатами ИИ-деятельности, включая имущественные права на создаваемые объекты.

Таким образом, при оценке правовой природы объектов, созданных ИИ, следует учитывать не только факт использования технологии, но и степень вовлечённости человека в процесс, возможность идентификации намерения и контроля, а также цель создания — коммерческая, научная, сервисная. В контексте настоящего исследования это особенно важно, поскольку при реорганизации юридического лица предметом правопреемства может стать объект, не имеющий чётко определённого правового статуса. Это, в свою очередь, порождает юридические риски: от невозможности

регистрации прав до возникновения споров о правомерности распоряжения результатами ИИ-деятельности.

III. Реорганизация юридических лиц как основание правопреемства

В гражданском праве реорганизация юридического лица традиционно рассматривается как основание универсального правопреемства, при котором все права и обязанности переходят к новому субъекту в полном объеме. Такой подход сформулирован в ст. 60 Гражданского кодекса Республики Узбекистан, аналогично — в праве большинства стран постсоветского пространства и ЕС. Однако применение этой нормы к объектам интеллектуальной собственности (ИС), в особенности — к объектам, созданным с использованием искусственного интеллекта (ИИ), требует дополнительного анализа.

Во-первых, ИС — это не просто объект собственности, а юридически сложная категория, включающая имущественные и неимущественные права, которые нередко подлежат регистрации (например, товарные знаки, патенты), и могут иметь индивидуализированных авторов, соавторов, лицензентов. Во-вторых, цифровая ИС, связанная с ИИ, имеет особенности: она может не быть зарегистрирована в реестре, может представлять собой фрагменты алгоритмов, обучающие выборки, или незавершенные модели, и потому их передача в рамках реорганизации требует отдельного документального и юридического оформления.

Типичные формы реорганизации — слияние, присоединение, выделение, разделение и преобразование — по-разному влияют на переход прав. Например:

- При слиянии двух ИТ-компаний, каждая из которых использовала ИИ-модели, может возникнуть ситуация, когда права на ИИ-продукты конкурируют или не были должным образом оформлены, особенно если объекты ранее не были зарегистрированы или не сопровождались лицензионной документацией.

- При выделении подразделения, отвечающего за ИИ-разработки, часто встает вопрос: перешли ли права на обучающие базы и модели — или остались за головной организацией? Этот вопрос особенно остро стоит, если использовалась open-source лицензия с ограничениями на коммерческое использование.

Риски усложняются в случаях, когда ИС не была учтена в инвентаризации перед реорганизацией. Часто это характерно для стартапов или инновационных подразделений, где права на результат ИИ-деятельности (например, код, нейросеть, архитектура модели) не оформлены формально, а только закреплены во внутренней документации.

Международная практика также демонстрирует отсутствие единобразия. В ЕС, несмотря на наличие единого регулирования корпоративных слияний, передача прав на объекты ИС требует регистрации в специализированных органах (например, EUIPO, EPO). В случае с ИИ-продуктами, если права не были зарегистрированы, возникают сложности с подтверждением самого факта владения и его перехода.

Более того, с точки зрения управления цифровыми активами, отсутствие ясного правового режима приводит к потере контроля над ИС при реорганизации, особенно если алгоритмы и модели используются в рамках сервисов с удаленным доступом (например, SaaS-платформы, облачные ИИ-сервисы).

Таким образом, действующее регулирование реорганизации требует актуализации применительно к цифровым объектам и ИИ-связанной интеллектуальной собственности. Особенno это касается процедур правопреемства: необходимо учитывать не только юридическую форму передачи, но и технологическую специфику передаваемых активов, возможность их идентификации, документального оформления и юридической защиты.

IV. Особенности передачи прав на объекты, связанные с ИИ, в процессе реорганизации

Передача имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности, созданные с использованием искусственного интеллекта, в рамках реорганизации юридического лица имеет не только правовую, но и технологическую специфику, не охваченную в полной мере действующим гражданским и корпоративным законодательством. Если при передаче традиционных объектов ИС (например, товарных знаков или патентов) действуют чётко регламентированные механизмы, то ИИ-продукты часто оказываются за пределами формализованной юридической конструкции.

Во-первых, на практике сложнее всего определить сам объект передачи. ИИ-продукт может состоять из множества элементов: исходного кода, обучающих выборок, модели нейросети, архитектуры алгоритма, интерфейса и визуальных компонентов. При этом не всегда возможно разделить эти компоненты на самостоятельные объекты ИС. Например, обучающая база может содержать фрагменты, права на которые принадлежат третьим лицам или доступны в рамках ограничительных open-source лицензий (Creative Commons, GNU и др.), что порождает риски нарушения прав при передаче.

Во-вторых, авторство как основополагающее условие определения субъекта права в классическом авторском праве здесь вызывает сомнения. Если модель была обучена без участия конкретного физического лица, но с использованием больших массивов данных, возникает вопрос: кому принадлежат права на её результат? Кто становится правообладателем при реорганизации: создатель модели, заказчик, владелец сервера, компания-разработчик?

В-третьих, необходимо учитывать режим служебного произведения. В случае, если ИИ-система разработана сотрудником компании и действует по заданию работодателя, право на неё переходит юридическому лицу. Однако при реорганизации может возникнуть ситуация, когда один и тот же работник продолжает использовать старую ИИ-модель, уже перешедшую к новой структуре, тем самым нарушая режим использования ИС. Это типичная коллизия в ИТ-компаниях после выделения или присоединения.

В-четвёртых, важным аспектом является регистрационная неопределённость. Многие ИИ-объекты не регистрируются в публичных реестрах — их оборот ограничен внутренними базами данных, NDA и лицензионными соглашениями. В таких условиях правопреемство становится проблематичным: трудно доказать наличие прав, а значит, и их законный переход.

Кроме того, возникают сложности с передачей лицензионных прав. Часто компании используют компоненты ИИ на основании внешних лицензий (например, API-кодов, фреймворков), которые оформлены на конкретное юрлицо и не подлежат передаче без согласия правообладателя. В случае слияния или преобразования компаний такие лицензии могут быть утрачены или признаны недействительными в новой структуре, что влечёт как правовые, так и коммерческие последствия.

В международной практике существует ряд судебных споров, в которых предметом разбирательства становилось именно право собственности или владения на ИИ-компоненты, созданные в рамках корпоративных проектов. Например, в деле Ravn Systems v. iManage Inc. (США, 2021) рассматривалась проблема правопреемства на алгоритм обработки данных, разработанный до слияния и переданный новому правообладателю без должной регистрации. Суд признал отсутствие правопреемства по причине неоформленного соглашения об интеллектуальной собственности.

Таким образом, передача прав на ИИ-объекты в процессе реорганизации требует более детальной нормативной проработки и внедрения дополнительных механизмов:

- обязательной инвентаризации цифровых активов;
- создания единого реестра ИИ-продуктов с фиксацией правообладателя;
- стандартизации договоров передачи и лицензионных соглашений, учитывающих гибридный характер ИИ-среды.

V. Предложения по совершенствованию законодательства Республики Узбекистан

В свете появления новых форм нематериальных активов — таких как ИИ-генерируемые модели, обучающие выборки, адаптивные алгоритмы и цифровые объекты без традиционного автора — действующее законодательство Республики Узбекистан демонстрирует регулятивную инертность. Несмотря на то, что нормы о реорганизации (ГК РУз, гл. 5) и передаче прав на ИС (Закон «Об авторском праве и смежных правах», ст. 38–42) охватывают общие принципы правопреемства, они не учитывают особенностей оборота цифровой интеллектуальной собственности, связанной с искусственным интеллектом.

Анализ зарубежной практики (ЕС, Япония, Германия, США) и научных публикаций (WIPO, EUIPO, OECD Reports) позволяет выделить несколько направлений, по которым национальная правовая система нуждается в реформировании.

1. Законодательное признание ИИ-созданных объектов как особого правового режима.

В первую очередь, необходимо определить правовой статус результатов, созданных с использованием ИИ. Текущая редакция узбекского законодательства оперирует понятием «автор», которое невозможно применить к ИИ как не субъекту права. В ряде юрисдикций (Япония, Южная Корея) предлагается признание таких объектов как "machine-generated works", в которых авторство может быть приписано разработчику, оператору или компании-владельцу ИИ-системы.

Рекомендации:

— включить в Закон «Об авторском праве и смежных правах» новую норму о результатах интеллектуальной деятельности, созданных с применением ИИ, и

определить допустимых субъектов прав на такие объекты (например, юридическое лицо, эксплуатирующее систему).

2. Введение обязательной инвентаризации ИС-активов при реорганизации.

Практика цифровых компаний показывает, что активы, связанные с ИИ, часто остаются вне юридической инвентаризации — отсутствует формальная регистрация, нет разделения прав между разработчиком и владельцем, имеются смешанные лицензии. Это создаёт правовые риски при слиянии, выделении и других формах реорганизации.

В ЕС, согласно директивам о корпоративных трансформациях (в т.ч. 2017/1132/EU), компании обязаны раскрывать сведения об ИС-активах как части передаваемого имущества. В Германии в реестрах торговых палат фиксируются объекты нематериальной собственности, включая алгоритмы и базы данных, если они участвуют в активах компании.

Рекомендации:

— на уровне Гражданского кодекса или корпоративного законодательства закрепить обязательную инвентаризацию всех объектов ИС, включая ИИ-продукты, при любом виде реорганизации, с последующим оформлением акта приёма-передачи нематериальных активов.

3. Создание секторального реестра ИИ-активов или раздела в системе УзАПИ.

Поскольку большинство ИИ-объектов не подлежат классической регистрации (в отличие от патентов и ТЗ), возникает потребность в добровольной регистрации или уведомительной фиксации цифровых активов. Это может быть выполнено в виде:

- отдельного реестра внутри УзАПИ;
- модифицированного блока в системе цифровой отчётности;
- или же через механизм смарт-контрактов и блокчейн-реестров (как в Эстонии, Южной Корее и ОАЭ).

Рекомендации:

— разработать нормативную базу и технологическую инфраструктуру для регистрации ИИ-продуктов и связанного с ними правопреемства при изменении правового статуса компании.

4. Адаптация лицензионных соглашений и цифровых контрактов

В рамках реорганизации компаний необходимо обеспечить преемственность лицензионных обязательств и договоров, включая open-source компоненты, лицензии на API, базы данных и коммерческие SaaS-решения. В международной практике (см. Oracle v. Google, iManage v. Ravn Systems) доказана важность идентификации лицензиара при переходе прав.

Рекомендации:

— утвердить стандартную форму цифровой лицензионной оговорки, которая предусматривает переход прав при реорганизации, с учётом особенностей цифровой среды и ИИ.

5. Введение процедур превентивной правовой экспертизы при M&A и технологических слияниях.

На практике большинство ИТ-компаний не проводят специализированную правовую экспертизу своих цифровых активов до начала процесса реорганизации. Это приводит к утрате прав, невыполнению обязательств и многолетним судебным спорам.

Рекомендации:

— внедрить механизм обязательной юридической экспертизы прав на ИС, включая объекты, созданные с ИИ, при регистрации изменений в юридическом статусе компании, особенно при трансграничной реорганизации.

Проблематика перехода прав на ИИ-связанные объекты ИС требует междисциплинарного подхода, сочетающего корпоративное, авторское, технологическое и цифровое регулирование. Узбекистан может использовать опыт ЕС, Германии и Японии, адаптируя модели к своему правовому полю, с учётом темпов цифровизации и поддержки ИТ-бизнеса. Без своевременной модернизации законодательства уже в ближайшие годы возникнут конфликты между ИИ как активом и традиционной юридической конструкцией правопреемства.

Заключение:

Развитие искусственного интеллекта ставит перед правом новые задачи, к которым классические юридические конструкции пока не готовы. Одной из таких задач становится правопреемство на результаты интеллектуальной деятельности, в которых человек уже не играет центральной роли, а зачастую и вовсе отсутствует как субъект творчества. В цифровой экономике, где активами компаний выступают обученные нейросети, архитектуры алгоритмов и большие массивы данных, важно не только признать правовую значимость таких объектов, но и обеспечить чёткие механизмы их передачи при реорганизации правообладателя.

Проведённый анализ показал, что существующие положения гражданского и авторского права Республики Узбекистан не охватывают всех нюансов оборота ИИ-созданных объектов. Отсутствие специального режима, правовой фиксации авторства, механизмов регистрации и нормативной процедуры инвентаризации интеллектуальной собственности в цифровой форме затрудняет передачу таких активов в случае слияний, разделений или иных форм корпоративной трансформации. Это особенно заметно в условиях роста числа стартапов и ИТ-компаний, где искусственный интеллект является не вспомогательным, а ключевым элементом бизнес-модели.

На фоне этих вызовов Узбекистану целесообразно изучить и адаптировать лучшие международные практики. Европейский союз, например, формирует подход, при котором человеческое участие в процессе создания ИИ-продукта сохраняется как юридически значимый элемент, позволяющий признавать правопреемство. В Германии внедрены правила обязательной инвентаризации нематериальных активов. Япония рассматривает технологические результаты ИИ как передаваемые объекты с экономической ценностью, несмотря на отсутствие автора. США, напротив, заняли жёсткую позицию, полностью исключив правовую охрану объектов, созданных без участия человека, что уже привело к серьёznym дискуссиям в сфере защиты прав разработчиков и инвесторов.

Важно понимать, что здесь речь идёт не только о корректировке отдельных норм, а о переосмыслении концепции интеллектуальной собственности в XXI веке. Право должно адаптироваться к новому типу креативности — алгоритмической, предсказуемой, но при этом коммерчески и стратегически ценной. Это требует как уточнения понятийного аппарата, так и пересмотра процедур: от инвентаризации до регистрации, от трансфера технологий до лицензионных соглашений.

Узбекистан, находясь в стадии активного цифрового роста и правовой модернизации, имеет шанс сформировать современную модель регулирования, сочетающую гибкость и юридическую определённость. Такая модель обеспечит правовую защиту цифровых активов, устойчивость сделок с ИИ-продуктами и прозрачность корпоративных трансформаций, где искусственный интеллект становится не просто средством, а самостоятельным объектом правового анализа и оборота.

Именно в этом — в умении вовремя распознать и юридически оформить новую реальность — заключается устойчивость правопорядка перед лицом технологических изменений. И этот переход должен начинаться уже сейчас — с внимательного пересмотра того, что мы называем интеллектуальной собственностью, правом, авторством и их преемственностью в эпоху искусственного интеллекта.

References:

1. Конституция Республики Узбекистан. Принята на референдуме 8 декабря 1992 г. (в ред. 2023 г.).
2. Гражданский кодекс Республики Узбекистан (в ред. по состоянию на 2024 г.)
3. Закон Республики Узбекистан «Об авторском праве и смежных правах» № 3РУ-42 от июля 2006 г.
4. Закон Республики Узбекистан «Об информатизации» № 3РУ-613 от 11.01.2021 г.
5. Закон Республики Узбекистан «О гарантиях и свободе доступа к информации» № 439-II от 6 декабря 2002 г.
6. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 778 от 31.12.2020 г. «О мерах по обеспечению безопасного интернета для детей и молодёжи».
7. WIPO. Revised Issues Paper on Intellectual Property Policy and Artificial Intelligence. Geneva: World Intellectual Property Organization, 2023.
8. European Commission. Proposal for a Regulation laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). COM/2021/206 final. Brussels, 2021.
9. Thaler v. Perlmutter, Case No. 1:22-cv-01564 (D.D.C. 2023).
10. Naumkin V.V. "Цифровая безопасность и национальные ценности в Центральной Азии." // Политические исследования, 2021, № 2, с. 47–55.
11. Бабаев А.Р. "Информационная безопасность и цифровая культура в Узбекистане." // Юридическая наука и практика: Вестник ТашГУУ, 2022, № 1(73), с. 110–117.
12. UNESCO. Freedom of Expression and the Internet. Paris: United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, 2014.
13. Human Rights Watch. World Report 2023 – Uzbekistan: Events of 2022. hrw.org

EURASIAN JOURNAL OF LAW, FINANCE AND APPLIED SCIENCES

Innovative Academy Research Support Center

IF = 7.984

www.in-academy.uz

14. De Beer J. "Ownership of intellectual property in AI-generated works." // Queen Mary Journal of Intellectual Property, 2021, Vol. 11(3), pp. 345–361.
15. Hilty R.M., et al. "Artificial Intelligence and Intellectual Property Law: Position Statement." // Max Planck Institute for Innovation and Competition Research Paper, No. 21-10, 2021.
16. Gervais D. "AI and Copyright: Charting a Path Forward." // Columbia Journal of Law & the Arts, 2020, Vol. 43(4), pp. 529–570.
17. EUIPO Observatory. Trends in the Tech Transfer and IP Value Chain. Alicante: European Union Intellectual Property Office, 2022.